

За полстолетья все успело сгнить
до копошенья вшей, до свиста гнид,
и Ариадна потеряла нить —
теперь ее никто не сохранит.

Здесь бродят оголтелые стада,
выискивая зерна чахлых дат.
И некуда деваться от стыда
на ежедневном празднике утрат.

19

Уставил на небо очкастые глазки:
все меньше надежды, все больше опаски, —
и ежели в этом урок бытия,
то, значит, учителем мог быть и я.

Санкт-Петербург

Воровство

1

Жизнь целую назад
Мальчишка,
Абрикосный вор,
С другими я перелезал забор
В соседний сад.
Из сердца
По груди
Стучали молотки —
Всё ждал,
Что вот ночную темень разорвут свистки,
И позади
Раздастся выстрел —
Дробь
Ударит по спине.
Испуган,
Бел,
Я фруктов всё-таки хотел,
Хоть было страшно мне.

2

Влюблённый
Перезрелый
Дон
Жуан,
Как вор,
Я набираю телефон.
Хоть знаю —
Донна Анна занята.
С ней Командор.
А на стене
Распята жизни суета.
И снова страшно мне.

Медитации

О странностях грамматики

1

И каждый вечер,
В час назначенный,
Иль это только снится мне?..
Александр Блок.

Глагол,
А перед ним частица НЕ.
Тебе не знать,
Не думать обо мне
И не грустить.
О, незачем и нечем:
Я до сих пор
Тобою не замечен
На противоположной стороне.
Но с гордо поднятою головой
Идут ко мне местоименья
ТВОЙ,
ТВОЯ, ТВОЁ, ТВОИ, —
Я слышу пенье,
Когда чудесные местоименья
Любимых глаз нахлынут синевой.
Волненьем юношеских rendez-vous
Я помню ту,
Другую синеву
Шатра над золотыми куполами,
Где обольщение плывёт в рекламе,
Сулящей рай во сне и наяву.
Несбыточное в предрассветном сне
Безумных слов сложенье в вышине.
Но не буди, пусть длится небылица, —
Глагол,

Промолвленный тобой,
Мне снится.
Проснись с надеждой, —
Вдруг исчезнет НЕ.

2

Пока играют мне Бородина,
Придёт глагол во времени прошедшем,
Сметая все другие времена;
И снова я в том вихре сумасшедшем

Моей Москвы, куда летал гулять
В поток людей и в уличные звуки,
В ту моду обуви на каучуке
Неисчислимость оттепелей вспять.

Возьму блокнот с утерянным листком
И вспомню вереницу прошлых связей;
Он — грань в уже мутнеющем алмазе,
Всё реже вынимаемом тайком;

А в нём давно забытый телефон,
За цифрами которого стояли
Восторженные слёзы двух миндалин
И блики отражённых в них окон.

Тверская, малое кафе и вид в окне —
Упрёком незаслуженной разлуки
Навек застывший Юрий Долгорукий
На неподвижном, как и он, коне.

Угрюмым настоящим осуждён,
Хочу быть снами взятым на поруки
Опять туда, где стынет Долгорукий,
Тоскою к пьедесталу пригвождён.

Откройте в прошлое мне тайный лаз,
Сны осени! Среди деревьев голых

Хочу взамен спряжения глаголов
Быть пленником миндалевидных глаз.

3

По детским сказкам помнится оно,
Но будь все сказки отменила в школе,
Иную глубину и важность роли
Придав наречию ДАВНЫМ-ДАВНО.

С течением лет (не месяцев, не дней!),
Когда на празднествах сгорели свечи,
ДАВНЫМ-ДАВНО, живая связь с прошедшим,
Становится всё глубже и важней.

В огнях и блёстках цирка шапито
Я был ребёнком в ожиданье чуда,
Что вот появится из ниоткуда
И утечёт водой сквозь решето.

Я помню руку сильную отца,
А в сердце льдом испуг канатоходца,
Которому немного остаётся
Пройти с шестом до самого конца.

Вся жизнь — восторг и страхи шапито:
Для юноши, вступающего в близость,
Интимность как возвышенность и низость, —
Пусть знают все, но чтоб не знал никто!

Давным-давно.
Я уношусь в Москву.
История: любовь без хэппи-энда
Сто раз себе повторенной легендой
О столь же многократных rendez-vous.

Был твой звонок.
И разговор о нём:

Его отъезды. Главное — работа!..
И в нетерпенье кажется моём,
Что я лечу быстрее самолёта.

Ещё минута, — и надёжен, твёрд
Бетон под бешеным шасси помчится,
Как будто, приземляясь, чует птица —
Её встречать пришли в аэропорт.

Когда съестное впрок припасено,
Командой За город, где запах трав густ!
Погонит на природу душный август.
Да, не забыть грузинское вино.

Парк.
На лужайке жарят шашлыки.
Движения зубов как процедура
Срыванья сочного куска с шампура,
Который взят тобою в две руки.

А губы
(От помады ни следа!),
Покрытые блестящим слоем жира,
Объект воображаемого пира,
Того, что я запомнил навсегда.

Я и теперь ответить не смогу,
Как после мяса, лука и редиса
Мог пахнуть горькой мятой и анисом
Десерт твоих неизъяснимых губ.

— Не здесь! — ты мне шептала, — раньше в душ.
— Домой? К тебе? Но у тебя Алёнка!..
— Сестра, спасибо ей, взяла ребёнка,
Пока торчит в командировке муж.

Я первым быть хотел. Началом дня.
Смеялась ты: В начале было Слово!

И что ребёнок твой был от другого
Терзало тайной ревностью меня.

Ребёнку было около шести!..
О, воспитанье русских коммунистов, —
Мы шли к дивану — и твой крест был истов,
Что означало: Господи, прости!..

Я вновь над облаками. Там, на дне
Твой город, словно остров в океане,
Где сохранились вмятины в диване
Легендой о тебе и обо мне.

Вовек невыводимое пятно
На ткани памяти, пока живётся.
Я детский страх за жизнь канатоходца
Храню в наречии ДАВНЫМ-ДАВНО.

Лос-Анджелес

ТРИПТИХ

Винсент Ван Гог

(1853 — 1890)

Ван Гог без устали писал —
Картины шли сплошным потоком.
Но труд Ван Гога не спасал —
Он нищим был и одиноким.

Опять в бордель вернулась Син,
Лишив его тепла и ласки,
Но все же золотом с картин
Сияли солнечные краски.

В любви Винсенту не везло.
Ну что ты скажешь, в самом деле:
Опять влюбился, как назло,
В очередную из борделя.

Ван Гог ее боготворил —
(Она была тростинкой хрупкой)
Не упрекал и не корил,
А называл ее Голубкой.

Голубку — птицу напоказ —
Не тяготила эта клетка.
Она спросила как-то раз:
— Ты почему приходишь редко?!

Ну не стесняйся, говори.
— Да денег нет, — сказал он сухо.
— Тогда отрежь и подари
Ты мне свое смешное ухо!..